
Между
морем
и тобой
18+

Амелия Рейн

Между морем и тобой

«Автор»
2026

Рейн А.

Между морем и тобой / А. Рейн — «Автор», 2026

Бретань, 1906 год. После смерти отца Элоиза Леклер возвращается в приморский городок, чтобы разобраться с оставленной им мастерской и незавершённым изобретением. Здесь она встречает Матьё Кервана — сурового капитана, привыкшего доверять морю больше, чем людям.Их знакомство начинается с разногласий, но постепенно взаимное уважение перерастает в чувство, которого оба не ожидали. За плечами каждого — утраты, страхи и обязательства, а впереди — выбор между любовью и собственной дорогой.Смогут ли двое научиться быть вместе, не отказываясь от самих себя? И обязательно ли настоящая любовь требует остаться рядом?«Между морем и тобой» — проникновенная история о доверии, достоинстве и любви, которая не обещает лёгкого счастья, но даёт смелость смотреть в будущее.

© Рейн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение 6
Глава 2. Отказ капитана 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Амелия Рейн
Между морем и тобой

Между морем и тобой

Глава 1. Возвращение

В тот день море показалось Элоизе ближе, чем прежде. Сначала за окнами вагона прошли низкие поля и тесные дворы с мокрым бельём. По дороге от станции ветер гнал по мостовой подсохшие клочья водорослей и пыль. Море открылось лишь у спуска — серым просветом между крышами. В нём не было ничего торжественного. Вода лежала за домами, словно тяжёлая работа, к которой жители посёлка приступили задолго до её приезда.

Чемодан тянул руку. На углу, где когда-то продавали свечи и мыло, теперь висела вывеска с выцветшими буквами. Элоиза остановилась, чтобы поправить перчатку, и поняла, что ищет глазами старую вывеску, хотя та исчезла много лет назад. Она помнила прежний порядок домов; улица давно жила иначе.

Она приехала четвёртого июня. Утром она вывела дату на обороте билета: хотелось обозначить начало, которого ещё не удавалось почувствовать. В дороге всё казалось простым: добраться, получить ключ, открыть мастерскую. Теперь до двери оставалось несколько минут ходьбы, и каждое из этих простых действий внезапно приобретало вес, которого не было в дорожных планах.

Дорога к мастерской поднималась от воды, огибала каменный дом и снова шла вниз. Отец любил говорить, что в этом посёлке всякий путь рано или поздно приводит либо к морю, либо к чужому порогу. Тогда Элоиза считала замечание неточным: существовали ещё почта, лавки, дорога из города. Теперь ей не хотелось спорить даже с этим.

Замок повернулся после короткой паузы. Пришлось прижать дверь плечом, чтобы снять напряжение с перекошенной створки. Изнутри потянуло холодным деревом, металлической стружкой и старым маслом. Элоиза задержалась на пороге. В детстве ей казалось, что мастерская пахнет работой; теперь запах оказался похож на память, которая не знает, что её хозяина больше нет.

На столе лежала записка, прижатая гайкой: «Вернусь после полудня. Ж. М.». Почерк Жюля она узнала по старым ведомостям. Значит, он продолжал приходить сюда, открывал ставни, убирал инструменты, возможно, принимал тех, кто ещё надеялся получить заказ. Слово «закрытая», которым Элоиза мысленно называла мастерскую всю дорогу, оказалось неверным.

Вместо этого она достала блокнот. Первую страницу отвела под заголовок: «Опись мастерской. Начата 4 июня 1906 года». Ниже провела линию, ровную настолько, насколько позволял край стола. Слова и линия не сделали помещение легче, зато определили, что именно ей предстояло сделать до вечера.

Сначала она записала инструменты, которые могла опознать без чужой помощи. Затем — ящики, содержимое которых следовало проверить. Отдельной строкой отметила незаконченные заказы и бумаги, требующие сверки. Не ставила рядом с ними ни цены, ни обещания расплатиться. Даже сумма, записанная рукой отца, ещё не была доказательством того, что деньги получены или должны быть выплачены. Ей предстояло узнать, кто и на каких условиях имел дело с мастерской.

Снаружи послышались шаги. Элоиза подняла голову прежде, чем дверь открылась.

Жюль Морель заметно постарел. В памяти Элоизы он оставался широкоплечим мастером, способным без посторонней помощи переставить тяжёлый корпус на верстак. Теперь он придерживал дверь локтем, а свободной рукой нёс свёрток хлеба. Виски его поседели, но взгляд остался прежним: прежде чем заговорить, он проверял, на месте ли вещи.

Он положил хлеб на пустой край стола.

— Да. Нужно слегка приподнимать её.

— Я собирался поправить петлю. Всё откладывал.

Элоиза посмотрела на него. Она хотела поблагодарить его за сохранённый порядок, но взгляд задержался на перекошенной петле. Вместо благодарности она спросила:

— Не каждый. Когда есть работа — прихожу. Когда нет — тоже иной раз захожу. Нельзя оставлять железо в сырости.

— Я взялась за опись, — сказала Элоиза. — Если вы согласны помочь, я буду благодарна. Только давайте не смешивать увиденное с догадками.

— Разумно. Записи у меня есть, только с пробелами. Покажу как есть — по памяти дописывать не стану.

— Это не беда, если мы знаем, где пробел.

Он повернулся к ней, и на его лице мелькнуло почти знакомое выражение. Так смотрел отец, когда она в юности находила ошибку в размере: не улыбался, но переставал возражать.

Они работали молча, пока не добрались до крепёжных деталей. Жюль называл их назначение, Элоиза записывала и то, в чём он сомневался. Там, где его память расходилась с надписью на ящике, она ставила знак вопроса. Жюль сперва хмурился, затем сам стал предлагать такие пометки. Когда обнаружился набор креплений, которого не было в старой ведомости, он сказал:

— «Кажется» я так и запишу.

— Запишите. Не хочу, чтобы вы потом искали у меня точности, которой у меня нет.

К полудню они дошли до ящика с деловыми бумагами. Среди счетов и записок оказались два незакрытых заказа, квитанция об оплате материалов и лист с пометкой «сверить». Элоиза не пыталась установить баланс по разрозненным листам. Она разделила бумаги на три стопки: подтверждённое, требующее проверки и неясное. Жюль наблюдал за ней, стоя у окна.

— Вы намерены всё это вести сами? — спросил он.

— Ваш отец обычно начинал с самого трудного.

— А заканчивал?

Жюль не ответил сразу.

Элоиза аккуратно положила карандаш. В этой короткой паузе не было упрёка умершему, только признание того, что у труда существуют границы. Она сама не раз оставляла на чертеже пометку «уточнить», когда начальство торопило с окончательной копией. Теперь ей пришлось увидеть такие пометки не на чужом заказе, а среди вещей, которые принадлежали её семье.

— Разные люди. За своими деталями, с вопросами. Я никому ничего не обещал от вашего имени. Если мог показать, что работа не окончена, показывал.

— А если спрашивали, когда будет готово?

— Говорил, что не знаю.

Она посмотрела на него с благодарностью, которую пока не умела выразить. Он избавил её не от долгов и не от решений, а от чужих обещаний, данных без её согласия. Это было больше, чем казалось.

После короткого перерыва Жюль отодвинул полотно с рамы у дальней стены. За ней обнаружился прибор в деревянном корпусе, установленный на временной опоре. Его поверхность была местами отполирована, местами оставлена грубой. От него тянулись тяги к узлу, назначение которого Элоиза могла лишь предположить. Рядом лежал сложенный чертёж с несколькими исправлениями красным карандашом.

— Да. Последняя большая работа вашего отца.

Она наклонилась, но не стала трогать подвижную часть. В чертежах она разбиралась достаточно, чтобы заметить расхождение между изображённым креплением и тем, что было установлено на корпусе. Однако нельзя было по одному взгляду понять, было ли это ошибкой, временной заменой или осмысленной переделкой.

— Где остальные листы?

— В шкафу. Я не перебирал их после его смерти.

— Тогда сегодня и не будем. Сначала закончим опись.

— Люди с воды спрашивали об этой вещи.

— Капитан Керван приходил. И другие. Им хотелось знать, можно ли рассчитывать на неё.

Элоиза выпрямилась. Имя было ей знакомо лишь по чужим словам и старым разговорам отца; она не могла представить человека, который стоял за ним. Но вопрос был ясен. Если вещь предназначалась для судна, то ошибка переставала быть линией, которую можно стереть и провести заново.

— Что вы им ответили?

— Что она не закончена.

Жюль долго смотрел на корпус.

— Он говорил, что хочет проверить ещё раз. Иногда — что надо изменить крепление. Но последнего заключения при мне не делал.

Элоиза записала и это, не пытаясь превратить слова Жюля в окончательный вывод. В Париже ей случалось видеть чертежи, на которых подпись ставили раньше, чем снимали все вопросы. Ей вспоминалось, как неловко было возражать человеку, уже обмакнувшему перо в чернила. Здесь от неё могли ожидать того же — только потому, что фамилия на двери совпадала с фамилией мастера.

— Значит, это не вместо компаса? — спросила она, показывая на устройство.

— Нет. Ваш отец так не называл его. Вспомогательный указатель, если говорить просто. Он хотел, чтобы люди могли сравнивать показания. Больше я не берусь объяснять.

Она кивнула. Простое определение не делало назначение безопасным и не доказывало пользы. Для этого требовались условия испытаний, записи наблюдений и право сказать «не знаю», если результат окажется недостаточным.

На сложенном чертеже виднелась линия, не доведённая до обозначенной точки. Элоиза машинально потянулась к карандашу, будто могла завершить движение за отца. Остановилась. Она не знала, почему линия оборвалась. Дорисовать её означало бы выдать догадку за решение.

— Вы думаете, он не заработает?

— Я думаю, что сейчас мы не знаем, что именно он сможет делать в море.

— Я не хочу бросать работу отца, — добавила она. — И не хочу обещать её закончить, пока не узнаю, что осталось незавершённым.

— Он бы спорил с вами, — сказал Жюль.

— Вероятно.

Она впервые за день улыбнулась. Улыбка была короткой, почти болезненной, но не потребовала усилия. Они вернулись к столу, и Жюль сам положил чертёж в отдельную папку. На её обложке Элоиза написала: «Рабочие листы. Проверить комплектность». Она не присвоила им номер описи, пока не выяснила состав архива.

К вечеру окно потемнело, хотя свет ещё держался над водой. В мастерской стало прохладно. Жюль собрал оставшиеся бумаги в ящик и спросил, следует ли ему прийти утром.

— Если сможете, — ответила Элоиза. — Я хочу сверить заказы. И мне нужно узнать, кому обещали показать прибор.

— Я тоже.

Жюль задержал на ней взгляд, словно хотел сказать что-то ещё, но лишь надел куртку.

Когда он ушёл, Элоиза осталась одна. Она перечитала начатую опись: названия инструментов, номера ящиков, короткие замечания, вопросы на полях. Список был неполным, и именно это делало его честным. Рядом лежали документы, которых ещё нельзя было назвать ни долгом, ни погашенным обязательством. За стеной начинался посёлок, где люди не могли позволить себе ждать бесконечно.

Она закрыла шкаф, проверила, не остался ли открытым ящик с бумагами, и подошла к прибору. Отцовская работа была перед ней — ощутимая, тяжёлая, неготовая. Ей хотелось хотя бы на минуту представить, что достаточно остаться здесь, привести в порядок записи, восстановить мастерскую, и тогда всё вернётся на место. Но место, к которому она вернулась, уже не существовало. Было другое, требовавшее от неё не дочерней преданности, а собственного решения.

На первой странице описи, под перечнем предметов, Элоиза добавила: «До обсуждения дальнейшей работы установить, какие обязательства существуют и какие испытания действительно проводились». Потом поставила дату и свою подпись. Это не было обещанием успеха. Только обязательством не подменять незнание уверенностью.

Уже запирая дверь, она вспомнила слова Жюля о капитане. Керван, должно быть, ждал ответа, который можно унести на причал и повторить другим; она даже не знала, захочет ли он выслушать вопросы вместо ответа. Элоиза посмотрела на серую полосу воды между домами. Прежде чем давать ответ, ей предстояло разобраться, чего именно от неё ждут. И, вероятно, услышать отказ.

Глава 2. Отказ капитана

Утром седьмого июня Матьё Керван вернулся к пристани раньше, чем ему хотелось. Вода ещё держалась у каменных ступеней, но по мокрым полосам на стенке было видно, как она уходит. На палубе в щелях между досками темнела рыбья чешуя; влажный канат холодил ладонь. Двое матросов уже вынесли корзины, третий возился с узлом, который можно было развязать одним движением, если бы пальцы не устали за ночь.

— Сегодня пойдёте к Леклер? — спросил Ален Ле Бри, выпрямляясь над корзиной.

Матьё продолжал смотреть на верёвку.

— Откуда вы знаете, что я собирался?

— Все знают. Жюль вчера сказал, что хозяйка приехала. Теперь, говорят, чертежи снова на столе.

— Жюль мог сказать только то, что видел.

— Он и сказал. Остальное люди прибавили сами.

Ален произнёс это без улыбки. У него дома ждали двое детей и жена, которая умела по одному взгляду понять, был ли улов достаточным, чтобы не считать каждую монету до конца недели. Матьё знал, что вопрос о мастерской для него не праздный. Именно поэтому не хотел отвечать на него на причале, между пустыми корзинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.